

Чередниченко и цирк. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Чередниченко и цирк. Василий Макарович Шукшин

В южный курортный городок приехал цирк.

Плановик Чередниченко отдыхал в том городке, устроился славно, чувствовал себя вольготно, даже слегка обнаглел – делал выговор продавщицам за теплое пиво. В субботу вечером Чередниченко был в цирке.

На следующий день, в воскресенье, в цирке давали три представления, и Чередниченко ходил на все три.

Он от души смеялся, когда смуглый длинноволосый клоун с нерусской фамилией выкидывал разные штуки, тревожился, когда молодой паренек в красной рубахе гонял по арене, отгороженной от зрителей высокой клеткой, семь страшных львов, стегал их бичом... Но не ради клоуна и не ради страшных львов ухлопал Чередниченко шесть рублей, нет, не ради львов. Его глубоко взволновала девушка, которая открывала программу. Она взбиралась по веревке высоко вверх и там под музыку крутилась, вертелась, куврыкалась...

Никогда еще в своей жизни Чередниченко так не волновался, как волновался, наблюдая за гибкой, смелой циркачкой. Он полюбил ее. Чередниченко был холост, хоть разменял уже пятый десяток. То есть он был когда-то женат, но что-то такое получилось у них с женой – разошлись. Давно это было, но с тех пор Чередниченко стал – не то что презирать женщин, – стал спокоен и даже несколько насмешлив с ними. Он был человек самолюбивый и честолюбивый, знал, что к пятидесяти годам станет заместителем директора небольшой мебельной фабрики, где теперь работал плановиком. Или, на худой конец, директором совхоза. Он заканчивал сельхозинститут заочно и терпеливо ждал. У него была отличная репутация... Время работало на него. «Буду замдиректора, будет все – и жена в том числе».

В ночь с субботы на воскресенье Чередниченко долго не мог заснуть, курил, ворочался... Забывался в полусне, и мерещилось черт знает что – маски какие-то, звучала медная музыка циркового оркестрика, рычали львы... Чередниченко просыпался, вспоминая циркачку, и сердце белело, ныло, точно циркачка была уже его женой и изменяла ему с вертлявым клоуном.

В воскресенье циркачка доконала плановика. Он узнал у служителя цирка, который не пускал посторонних к артистам и львам, что та циркачка – из Молдавии, зовут Ева, получает сто десять рублей, двадцать шесть лет, не замужем.

С последнего представления Чередниченко ушел, выпил в ларьке два стакана красного вина и пошел к Еве. Дал служителю два рубля, тот рассказал, как найти Еву. Чередниченко долго путался под брезентовой крышей в каких-то веревках, ремнях, тросах... Остановил какую-то женщину, та сказала, что Ева ушла домой, а где живет, она не знала. Знала только, что где-то на частной квартире, не в гостинице. Чередниченко дал служителю еще рубль, попросил, чтобы он узнал у администратора адрес Евы. Служитель узнал адрес. Чередниченко выпил еще стакан вина и пошел к Еве на квартиру. «Адам пошел к Еве», – пошутил сам с собой Чередниченко. Он был человек не очень решительный, знал это и сознательно подгонял себя куда-то в гору, в гору, на улицу Жданова – так, ему сказали, надо идти. Ева устала в тот день, готовилась ко сну.

– Здравствуйте! – приветствовал ее Чередниченко, ставя на стол бутылку «Кокура». Он за дорогу накрутил себе хвоста – заявился смелый и решительный. – Чередниченко Николай Петрович. Плановик. А вас зовут Ева. Правильно?

Ева была немало удивлена. Обычно поклонники ее не баловали. Из всей их труппы поклонники осаждали троих-четверых: смуглого клоуна, наездницу и – реже – сестер Геликановых, силовых акробатов.

– Я не помешал?

– Вообще-то, я спать готовлюсь... Устала сегодня. А что? Я немножко не понимаю...

– Да, сегодня у вас денек... Скажите, а вот этот оркестр ваш, он не мешает вам?

– Нет.

– Я бы все-таки несколько поубавил его: на нервы действует. Очень громко, куда к шутам...

– Нам ничего... Привыкли.

Чередниченко отметил, что вблизи циркачка не такая уж красавица, и это придало ему храбрости. Он серьезно задумал отвезти циркачку к себе домой, жениться.

Что она была циркачкой, они скроют, никто знать не будет.

– Вы не позволите предложить вам?.. – Чередниченко взялся за бутылку.

– Нет, нет, – твердо сказала Ева. – Не пью.

– Совсем?

– Совсем.

– Нисколько-нисколько?

– Нисколько.

Чередниченко оставил бутылку в покое.

– Проба пера, – к чему-то сказал он. – Я сам выпиваю очень умеренно. У меня есть сосед, инженер-конструктор... Допивается до того, что опохмелиться утром рубля нет. Идет чуть свет в одних тапочках, стучит в ворота. У меня отдельный дом из четырех комнат, ну, калитку, естественно, на ночь закрываю на замок, «Николай Петрович, дай рубль». – «Василий, – говорю, – Мартыныч, дорогой, не рубля жалко – тебя жалко. Ведь на тебя смотреть тяжело – с высшим образованием человек, талантливый инженер, говорят... До чего же ты себя доведешь!»

– Но рубль-то даете?

– А куда денешься? Он, вообще-то, всегда отдает. Но действительно, не денег этих жалко, я достаточно зарабатываю, у меня оклад сто шестьдесят рублей да премиальные... вообще, находим способы. Не в рубле дело, естественно. Просто тяжело глядеть на человека. В чем есть, в том и в магазин идет... Люди смотрят... У меня у самого скоро высшее образование будет – это же должно как-то обязывать, так я понимаю. У вас высшее?

– Училище.

– Мгм. – Чередниченко не понял – высшее это или не высшее. Впрочем, ему было все равно. По мере того как он излагал сведения о себе, он все больше убеждался, что тут не надо долго трясти кудрями – надо переходить к делу. А родители у вас есть?

– Есть. Зачем вам все это?

– Может быть, все-таки пригубите? С наперсток?.. Мм? А то мне неловко одному.

– Наливайте – с наперсток.

Выпили. Чередниченко выпил полстаканчика. «Не перебрать бы», – подумал.

– Видите ли, в чем дело, Ева... Ева?..

– Игнатъевна.

– Ева Игнатъевна. – Чередниченко встал и начал ходить по крошечной комнате – шаг к окну, два шага к двери и обратно. – Сколько вы получаете?

– Мне хватает,

– Допустим. Но в один прекрасный... простите, как раз наоборот – в один

Чередниченко и цирк. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
какой-нибудь трагичный день вы упадете оттуда и разобьетесь...

– Слушайте, вы...

– Нет, послушайте вы, голубушка, я все это прекрасно видел и знаю, чем все это кончится – эти аплодисменты, цветы...– Ужасно понравилось Чередниченко вот так вот ходить по комнатке и спокойно, убедительно доказывать: нет, голубушка, ты еще не знаешь жизни. А мы ее, матушку, как-нибудь изучили – со всех сторон. Вот кого ему не хватало в жизни – такой вот Евы – Кому вы потом будете нужна? Ни-ко-му.

– Зачем вы пришли? И кто вам дал адрес?

– Ева Игнатъевна, я буду с вами напрямик – такой характер. Я человек одинокий, положение в обществе занимаю хорошее, оклад, я вам уже сказал, до двухсот в целом. Вы тоже одиноки... Я второй день наблюдаю за вами – вам надо уходить из цирка. Знаете, сколько вы будете получать по инвалидности? Могу прикинуть...

– Вы что? – спросила Ева Игнатъевна.

– У меня большой дом из лиственницы... Но я в нем один. Нужна хозяйка... То есть нужен друг, нужно кому-то согреть этот дом. Я хочу, чтобы в этом доме зазвенели детские голоса, чтобы в нем поселился мир и покой. У меня четыре с половиной тысячи на книжке, сад, огород... Правда, небольшой, но есть где отвести душу, покопаться для отдыха. Я сам из деревни, люблю в земле копаться. Я понимаю, что говорю несколько в резонанс с вашим искусством, но, Ева Игнатъевна... поверьте мне; это же не жизнь, как вы живете. Сегодня здесь, завтра там... ютитесь вот в таких комнатках, питаетесь тоже... где всухомятку, где на ходу. А годы идут...

– Вы что, сватаете меня, что ли? – никак не могла понять циркачка.

– Да, я предлагаю вам поехать со мной.

Ева Игнатъевна засмеялась.

– Хорошо! – воскликнул Чередниченко. – Не надо мне верить на слово. Хорошо. Возьмите на неделю отпуск за свой счет, поедете со мной – посмотрите. Посмотрите, поговорите с соседями, сходите на работу... Если я хоть в чем-нибудь обманул вас, я беру свои слова назад. Расходы – туда и обратно – беру на себя. Согласны?

Ева Игнатъевна долго, весело смотрела на Чередниченко. Тот открыто, тоже весело, даже игриво принял ее взгляд... Ему нравилось, как он действует: деловито, обстоятельно и честно.

– Мне сорок второй год, забыл вам сказать. Кончаю сельхозинститут заочно. Родни мало осталось, никто докучать не будет. Подумайте, Ева. Я не с бухты-баракты явился к вам... Не умею я говорить красивые слова, но жить будем душа в душу. Я уже не мальчишка, мне теперь – спокойно трудиться и воспитывать детей. Обещаю окружить вас заботой и вниманием. Ведь надоела вам эта бездомная жизнь, эта багема...

– Богема.

– А?

– Бо-ге-ма. Через "о",

– Ну, какая разница? Суть-то одна. Разная, так сказать, по форме, но одинаковая по содержанию. Мне хочется уберечь вас от такой жизни, хочется помочь... начать жизнь морально и физически здоровую. – Чередниченко сам проникнулся к себе уважением – за высокое, хоть негромкое благородство, за честность, за трезвый, умный взгляд на жизнь свою и чужую. Он чувствовал себя свободно. – Допустим, что вы нашли себе какого-нибудь клоуна – помоложе, возможно, поинтересней... Что дальше? Вот так вот кочевать из города в город? О детях уже говорить не приходится! Им что!.. – Чередниченко имел в виду зрителей. – Посмеялись и разошлись по домам – к своим очагам. Они все кому-то нужны, вы – снова в такую вот, извините, дыру – никому вы больше не нужны. Устали вы греться у чужого огня! (Эту фразу он заготовил заранее.) Я цитирую. И если вы ищете сердце,

Чередниченко и цирк. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru которое бы согрело вас, – вот оно. – Чередниченко прижал левую руку к груди. Он чуть не заплакал от нахлынувших чувств и от «кокура». Долго было бы рассказывать, какие это были чувства.. Было умиление, было чувство превосходства и озабоченности сильного, герой, и жертва, и учитель жили в эти минуты в одном Чередниченко. Каким-то особым высшим чутьем угадал он, что больше так нельзя, дальше будет хуже или то же самое.. Надо уходить. – Не буду больше утомлять вас – уйду. Ночь вам на размышления. Завтра вы оставите записку вашему служителю.. такой, с бородавкой, в шляпе..

– Знаю.

– Вот, оставьте ему записку – где мы встретимся.

– Хорошо, оставлю.

Чередниченко пожал крепкую ладонь циркачки, улыбнулся, ласково и ободряюще тронул ее за плечо:

– Спокойной.. простите, наоборот, – беспокойной ночки.

Циркачка тоже улыбалась:

– До свидания.

«Не красавица, но очень, очень милостивая, – подумал Чередниченко. – Эти усики на губе, черт их возьми).. пушочек такой.. в этом что-то есть. Говорят – темпераментные».

Чередниченко вышел на улицу, долго шел какими-то полутемными переулками – наугад. Усмехался, довольный. «Лихо работаешь, мужик, – думал о себе. Раз-два – и в дамки».

Потом, когда вышел на освещенную улицу, когда вдосталь налюбовался собой, своей решительностью (она просто изумила его сегодня, эта решительность), он вдруг ни с того ни с сего подумал: «Да, но как-то все ужасно легко получилось. Как-то уж очень.. Черт ее знает, конечно, но не оказаться бы в дурацком положении. Может, она у них на самом плохом счету, может, ее.. это.. того.. Не узнал ничего, полетел сватать. Хоть бы узнал сперва!» С одной стороны, его обрадовало, что он с таким блеском сработал, с другой.. очень вдруг обеспокоила легкость, с какой завоевалось сердце женщины. То обстоятельство, что он, оказывается, умеет действовать, если потребует, навело его на мысль: а не лучше ли – с такой-то напористостью – развернуться у себя дома? Ведь есть же и там женщины.. не циркачки. Есть одна учительница, вдова, красавица, степенная, на хорошем счету. Почему, спрашивается, так же вот не прийти к ней вечером и не выложить все напрямик, как сегодня? Ведь думал он об этой учительнице, думал, но страшился. А чего страшился? Чего страшиться-то?

"Так-так-так.. – Чередниченко прошел вдоль приморской улицы до конца, до порта, повернул назад. Хуже нет, когда в душу вкралось сомнение! Тем-то, видно, и отличаются истинно сильные люди: они не знают сомнений. Чередниченко грызло сомнение. – Скрыть, что она циркачка, конечно, можно, только.. А характер-то куда девашь? Его же не скроешь. Замашки-то циркаческие, они же останутся. Ведь он у нее уже сложился, характер, совершенно определенный, далекий от семейных забот, от материнства, от уюта. Ну, обману я людей, скажу, что она была, допустим, администраторша в гостинице.. Но себя-то я не обману! На кой черт себя-то обманывать?! Ведь она, эта преподобная Ева, столько, наверно, видела-перевидела этих Адамов, сколько я в уме не перебрал баб за всю жизнь. Она, наверно, давала жизни.. с этим своим пушком на губе. – Уже теперь не сомнение, а раскаяние и злость терзали Чередниченко. Он ходил вдоль приморской улицы, сжав кулаки в карманах пиджака, долго ходил, не глазел на встречных женщин, весь ушел в думы. «Так, так, так.. Значит, обрадовался – сразу покори! А она, наверно, счас богу молится: нашелся один дурак, замуж взять хочет. А то – будь она на хорошем счету – не нашелся бы никто до двадцати шести лет! Эка.. Вывез Николай Петрович царевну из-за синих морей, елки зеленые! Все с ней: „поматросил да бросил“, а один долдон в жены себе определил. А потом выяснится, что она рожать не может. Или хуже: переспит с кем-нибудь, забеременеет, а скажет – от меня. И нечего ее винить, у нее это как алкоголизм: потребность выработалась – обновлять ощущения. А начни потом разводиться, она потребует полдома.. Иди доказывай потом судьям,

Чередниченко и цирк. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru что я ее... с канатов снял. Можно сказать, разгреб кучу-мала и извлек из-под самого низа... сильно помятую драгоценность, – Опять вспомнилась Чередниченко вдовая учительница в их городке... И он чуть не взялся за голову: каких глупостей мог наворотить! Ведь вывез бы я эту Еву домой, вывез, она бы мне там устроила парочку концертов, и тогда – завязывай глаза от стыда и беги на край света. Насмешил бы я городок, ай, насмешил! Да приехай ты домой, дурак ты фаршированный, возьми такую же бутылочку винца или лучше коньяку, хороших конфет и иди к учительнице. Поговори обстоятельно, тем более она тебя знает, что ты не трепач какой-нибудь, не забулдыга, а на хорошем счету... Поговори с человеком. Ведь умеешь! Ведь скоро диплом в карман положишь – чего же ждатель? Страдатель, елки зеленые!»

Опять долго не мог заснуть Чередниченко – думал о вдовой учительнице. Мысленно жил уже семейной жизнью... Приходил с работы, говорил весело: «Мать-порубать!» Так всегда говорил главный инженер мебельной фабрики, получалось смешно. Ездил на маевку с женой-учительницей, фотографировал ее... Воровато, в кустах, выпивал с сослуживцами «стремленную», пел в автобусе «Ревела буря, гром гремел...». Думал о детях – как они там с бабкой? Но он – то еще ничего, базланил с мужиками про Ермака, а вот жена-учительница, он видел краем глаза, уже вся давно дома – с детьми, ей уже не до веселья – скорей домой! Да нет, черт побери, можно устроить славную жизнь! Славнецкую жизнь можно устроить.

Он так усладился воображением, что и циркачку вспомнил как далекий неприятный грех. Попробовал посадить на маевке вместо жены-учительницы жену-циркачку... Нет, циркачка там никак не на месте. Чужая она там. Начнет глазами стрелять тудасюда... Нет!

«Как же быть завтра? Не ходить совсем к цирку? Неудобно. Явился, наговорил сорок бочек – и нету. Нет, схожу увижусь... Скажу, что срочно отзывают на работу, телеграмму получил. Уеду – спишемся, мол. И все. И постараться не попасть ей на глаза в эти дни на улице. Они скоро уедут».

С тем и заснул Чередниченко. И крепко спал до утра. Во сне ничего не видел. На другой день Чередниченко загорал на пляже... Потом, когда представление в цирке началось, пошел к цирку.

Служитель встретил Чередниченко, как родного брата.

– Вам письмишко! – воскликнул он, улыбаясь шире своей шляпы. И погрозил пальцем: – Только наших не обижа-ать.

Наверно, еще хотел получить трешку.

«фигу тебе, – подумал Чередниченко. – Жирный будешь. И так харя-то треснет скоро».

Письмецо было положено в конверт, конверт заклеен. Чередниченко не спеша прошел к скамеечке, сел, закурил...

Под брезентовым куполом взвизгивала отвратительная музыка, временами слышался дружный смех: наверно, длинноволосый выкомаривает.

Чередниченко, облокотившись на спинку скамьи, немного посвистел... Конверт держал кончиками пальцев и слегка помахивал им. Поглядеть со стороны, можно подумать, что он, по крайней мере, раза три в неделю получает подобные конверты и они ему даже надоели. Нет, Чередниченко волновался. Немного. Там где-то, внутри, дрожало. Неловко все-таки. Если, положим, ему пришла такая блажь в голову – идти сватать женщину, то при чем здесь сама эта женщина, что должна будет, согласившись, остаться с носом?

Чередниченко вскрыл конверт.

На листке бумаги было написано немного... Чередниченко прочитал. Оглянулся на цирк... Еще раз прочитал. И сказал вслух, негромко, с облегчением:

– Ну вот и хорошо.

На листке было написано:

Чередниченко и цирк. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
«Николай Петрович, в сорок лет пора быть умнее. Ева».

А ниже другим почерком – помельче, торопливо: «А орангутанги в Турции есть?»

Чередниченко еще раз прочитал вторую фразу, засмеялся:

– Хохмач.– Он почему-то решил, что это написал клоун.– Ну, хохмач!.. У меня совесть есть, дорогой мой, совесть. Вам этого не понять.

Чередниченко встал и пошел по улице – в сторону моря. Мысленно отвечал Еве: «Умнее, говоришь? Да как-нибудь постараемся, как-нибудь уж будем стремиться, Игнатий Евович. Все мы хотим быть умными, только находит порой такая вот... Как говорят, и на старуху бывает проруха. Вот она, проруха, и вышла. Советуешь, значит, быть умнее Николаю Петровичу? Ах, дорогуша ты моя усатая! Хотя, конечно, ты же по веревке умеешь лазить, кому же и советовать, как не тебе – „мне сверху видно все“! Ты лучше посоветуй длинноволосому, чтоб он с другой какой-нибудь не ушлепал сегодня. А то ушлепает, будешь одна куковать вечер. А тебе вечер просидеть одной никак нельзя. Как же! Жизнь-то дается один раз, тело пока еще гнется, не состарилось. Как же вам можно вечер дома посидеть! Нет, это никак невозможно. Вам надо каждый день урывать – „ловите миг удачи“! Ловите, ловите... Черти крашенные».

Чередниченко опустил конверт в мусорную урну, вышел на набережную, выпил в ларьке стаканчик сухого вина, сел на лавочку, закурил, положил ногу на ногу и стал смотреть на огромный пароход «Россия». Рядом с ним негромко говорили парень с девушкой.

– Куда-нибудь бы поплыть... Далеко-далеко! Да?

– На таком, наверно, и не чувствуешь, что плывешь. Хотя в открытом море...

«Давайте, давайте – плывите, – машинально подхватил их слова Чередниченко, продолжая разглядывать пароход.– Плывите!.. Молокососы».

Ему было очень хорошо на скамеечке, удобно. Стаканчик «сухаря» приятно согревал грудь. Чередниченко стал тихонько, себе под нос, насвистывать «Амурские волны».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!